

Останин В.А.¹

Ликвидность таможенной политики в условиях глобальной политической неопределенности

Аннотация. Современная геополитическая, геоэкономическая среда объективно требует разработки новой таможенной политики. При разработке новой экономической политики и её важнейшей составной части, таможенной, следует принимать практически полную неопределенность и динамику изменений ситуации на едином геоэкономическом и геополитическом пространстве. Располагаемые инструменты и модели просчета последствий следует дополнять моделированием с использованием теории игр. При этом исходные постановки задачи при мри моделировании исходов следует учитывать принципиально изменившие целевые установки основных игроков. Чтобы соответствовать современным требованиям в динамике изменений таможенная политика должна вырабатывать новое качество – обладать достаточной ликвидностью.

Ключевые слова: конфликты, компромиссы, теория игр, стратегии игроков, таможенная политика, ликвидность таможенной политики.

Современная социально-экономическая, политическая, военная обстановка в мире может скорее понята как среда турбулентности. Наступивших глобальный кризис охватил практически все сферы общественного воспроизводства. Все это объективно подталкивает руководство страны к переосмыслению всего предшествующего этапа развития России и мировой сообщества, с одной стороны, а с другой стороны, требует разработки новых моделей развития. Эти процессы переосмысления адекватности экономического, политического поведения, основанные на объективности всей совокупности фактов, будет определяться уже изначально

¹ Останин В.А. – д.э.н., профессор кафедры экономической теории Владивостокского филиала Российской таможенной академии, профессор

тем, в каких координатах накопленных научных знаний исследователи подходят к этому процессу переосмысления эффективности реализуемых моделей экономического, политического поведения. Изначально можно констатировать некоторые общеизвестные и не отрицаемые постулаты, которые лежат в основе выбора при обосновании моделей поведения. Первым и наиболее важным следует признать нарастающую противоречивость всей системы глобальных интересов мировых игроков на геоэкономическом пространстве.

Признавая некоторую общность экономических интересов участников этого внутренне противоречивого геоэкономического пространства, следует одновременно признать и то, что сама природа интереса объективно включает в себя моменты диалектической противоположности. Интерес, или (Interest inter est – лат. , быть между) дает возможность уловить наличие общего между различным в желаниях, потребностях отдельных крайностей – субъектов экономических отношений. Однако наличие нечто общего, связывающего в некоторое единство, одновременно отмечает и то, что имеет место такие отношения, которые противоречат самой этой целостности.²

Попытка выработать модель поведения, которая в наибольшей степени могла бы соответствовать различным иным потребностям экономических субъектов, есть одновременно выработка такой модели экономического поведения, которая либо улучшала экономическое благосостояние субъекта, либо приводила к минимальному ущербу при реализации противоположной стороной стратегии, направленной на нанесение ущерба. В первой модели экономического поведения субъекты стремятся улучшить своё благосостояние, не допуская падения благосостояния противоположной стороны. При этом обе стороны располагают для этого необходимыми

² Останин, В.А. Философия присвоения: монография / В.А. Останин; науч. ред. Ю.В. Рожков; Российская таможенная академия, Владивостокский филиал. – Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2011.

ресурсами, в результате все участники достигают роста своего благосостояния. Эта модель может быть охарактеризована как состояние неэффективного равновесия по Парето.

Ответ на вопрос о большем или меньшем выигрыше каждой из сторон есть ответ на вопрос об эффективности, продуманности и адекватности экономической политики всех участников на геоэкономическом пространстве. В этом случае сама экономическая политика укладывается в конфликтно-компромиссную концепцию нелинейной динамики, соответствующая основным экономическим, политическим тенденциям взаимодействия экономических интересов в процессе их возникновения, согласования. Следовательно, имеет смысл изучать «поведение не отдельно взятых субъектов с их локализованными интересами, а поведение как двусторонние (рыночные отношения) или многосторонние (коалиционные отношения) взаимодействия в процессах производства, распределения, обмена и потребления благ»³.

Данная модель компромиссно-равновесного рынка построена на основе идеи множества индивидуальных моделей поведения с учетом конфликтно-компромиссных взаимодействий всех акторов этого противоречивого социально-экономического, политического множества субъектов. Поэтому остается предельно актуальным развитие концепции и практического использования компромиссно-равновесных взаимодействий, построение модели динамического компромиссного состояния, разработка модели компромиссной экономической динамики с учетом внешних регуляторов, поиск модели решения проблем коалиционных компромиссов⁴.

Сейчас уже накоплено достаточно фактов, что опора в выработке моделей экономического, политического поведения всех заинтересованных акторов уже не может полагаться как на богатство, только на накопленный

³ Кардаш В.А. Конфликты и компромиссы в рыночной экономике / В.А. Кардаш. – М.: Наука, 2006. с. 14.

⁴ Кардаш В.А. Там же. с. 14,15.

арсенал экономических инструментов, механизмов и признанных ценностей в качестве оснований для выработки методологических подходов.

В этой связи, как нам представляется, следует понимать сущностные цели основных геэкономических игроков на глобальном экономическом, политическом пространстве. В качестве доминирующей стратегии во внешней экономической политике США могут быть как стратегия, ориентированная на компромиссы, так и доминировать стратегия, ориентированная на конфликты. При этом следует также признать, что в условиях общей социально-экономической, политической, военной нестабильности и неопределенности доминирующей стратегией является политика США, которая не только инициирует принятие всевозможных санкций и ограничений, но и слабо доминировала прежде политику Европейского экономического сообщества, а сейчас Европейского Союза. При этом в качестве выигрыша мы можем отметить только некоторые долгосрочные интересы США, противоречащие интересам в краткосрочном периоде. В краткосрочном периоде все участники, стратегия которых связана с санкциями и ограничениями, приводят к потерям. Поэтому известные в теории игр стратегии на основе моделей по работам Дж. Нэша, Бертрана, Штакельберга, А. Курно принципиально исходят из иных посылок – получить, добиться большего блага при принятии решений (стратегий) с учетом возможных решений (стратегий) иных участников.

Современную геополитическую ситуацию в связи с событиями на Украине следует понимать как реализацию стратегий США по нанесению наибольшего урона России, затратив при этом минимальные ресурсы с исключением перехода за некоторые «красные линии» в политике. При этом мы исходим из того, что издержки в результате реализации данной стратегии США в краткосрочном периоде есть признаваемые сознательные потери. В долгосрочном же периоде США надеются на то, что нанесение запредельного для России ущерба позволит им уже навязывать свою волю, устранить из этой игры других игроков, прервав при этом и все коалиционные или

кооперативные соглашения и однозначно получать в долгосрочной перспективе надежные и прогнозируемые преимущества, т.е. выигрыши.

Поэтому только в отдаленной перспективе, при удачной реализации стратегии по нанесению максимального экономического, политического ущерба США смогут, как они полагают, возможно, реализовывать стратегию строго доминирования. В данном случае под строгим доминированием стратегии США стратегии России мы понимаем такую политику, которая обеспечит США большие выигрыши, чем любая возможная допускаемая стратегия России в геополитическом окружении. Другими словами, при этом прогнозируемом исходе Россия будет обречена на положение страны быть ведомой, ограниченной, которая должна довольствоваться некоторыми улучшениями, размер и качество которых будет позволено США использовать. Фактически здесь мы имеем результат страны, которая будет вечно догоняющей, однако разрыв в развитии, как следует из теории догоняющего современного развития, будет все время увеличиваться. Мир геополитики в этом случае можно охарактеризовать как доминирование однополярного мира с центром экономической, политической, военной силы в образе США.

В теории игр эту стратегия довольно строго формализована, например:

Стратегия s^* строго доминирует s' , если

$$\forall s_{-i} \in S_{-i} : u_i(s^*, s_{-i}) > u_i(s', s_{-i})$$

S_{-i} представляет собой прямое произведение стратегических множеств всех игроков, кроме i -го;

$s^* \in S_i$ -- доминирующая стратегия s^* принадлежит множеству возможных стратегий;

$s' \in S_i$ -- доминируемая стратегия

При этом в данной статье под доминированием мы будем понимать такое состояние, при котором в теории игр стратегия одной из сторон позволяет получить больший выигрыш, нежели другая при любых решениях

других участников. Политика же России скорее может быть описана как стратегия нетранзитивности. Ответы на санкции США и Европейского Союза дает как правило меньшие выигрыши, чем для России. Таким образом США будет использовать в игре имеющуюся строго доминирующую стратегию в любом из равновесий Нэша. Но так как Россия в результате полупассивной внешнеэкономической политике может подорвать или исчерпать свои ресурсы, то она не может реализовывать свою строго доминирующую стратегию. Тогда эта игра не может уже иметь хотя бы одно равновесие Нэша даже при условии, что, если все игроки будут иметь строго доминирующие стратегии, и игра, следовательно, будет иметь единственное решение – равновесие Нэша. Это равновесие не может быть необходимо эффективным по Парето. Другими словами, в этом случае все игроки при неравновесных исходах могут претендовать на дополнительные выигрыши.

Эта ситуация будет скорее напоминать мудрость римского Императора Тиберия по отношению к политике России, весь выигрыш которой сводился бы к тому, что Россию бы «стригли как барана», а не зарезали. Правда, однако и в том, устраивает ли Россию подобная политика как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Применение моделей теории игр могло бы привести к положительному результату, если бы все стратегии преследовали бы цель получение выигрыша, который мы в данной статье понимаем, как увеличение национального благосостояния в целом, так и граждан, снижение рисков от действий, в результате которых России был бы нанесены невосполнимые тяжелые потери и утраты. Последнее становится очевидным в свете последних событий по введению экономических, политических санкций.

Вопрос видится в ином. Если руководство США, Европейского Союза, включающего на 2013 год уже 28 членов сообщества признают экономическую неэффективность санкций как для России, так и одновременно потерю экономического национального благосостояния для своих стран в целом, тогда следует признать и иное положение в моделях их экономического

и политического поведения. Свои стратегические и текущие интересы правительства этих стран увязывают с нанесением максимально возможного экономического и иного ущерба России пусть даже и под давлением политики США.

Следовательно, второй важный постулат в выборе стратегии экономического, политического поведения становится признание в качестве очевидного и не поддающегося сомнению политика США и Европейского Союза нанесения экономического ущерба. В результате в качестве признания экономического поведения рациональным, исходя из своего видения стратегических интересов, страны-партнеры выбирают не текущий или долгосрочный прирост национального благосостояния, а нанесение ущерба экономическим конкурентам, принимая в качестве необходимого текущие издержки от подобной политики.

В этом принципиально изменившемся геополитическом, геоэкономическом пространстве прежняя политика, в которой доминирует поиск компромиссов должна дополняться, политикой воспроизводства рисков для страны инициатора санкций и национальных ограничений. Её суть сводится к тому, что страна, первая предпринимая нежелательные политические, экономические действия, в результате ответных мер должна получить многократно возросшую массу рисков и реального для себя ущерба. Пассивное, или адекватное по ущербу обратное воздействие следует признать не только недостаточными, но и пагубными для российской экономики. Декларирование текущих стратегий, реализация которых позволит сохранять экономическое статус-кво, несет в себе дополнительные риски для страны. Эта политика по своим последствиям скорее напоминает стратегию стран Западной коалиции накануне Второй мировой войны. Словами премьера правительства Англии, в выборе стратегии позора и войны, был выбран позор. В результате получили войну.

Выработка новой политической, экономической модели поведения страны, против которой предпринимаются нежелательные и приводящие к

утрате национального благосостояния действия может быть описана в концепции теории игр. Этот математический аппарат позволит с некоторой вероятностью исследовать проблемы экономического поведения и выработать оптимальные правила или стратегии для исполнительных ветвей власти России при конфликтной ситуации. Поэтому при задании допустимого исходного множества, целевых функций каждого игрока, типа поведения при формальном анализе уже можно предположить исход, которое есть решение, имеющее некоторую вероятностную оценку. В нашем случае предполагается, что участники в зависимости от конкретной гипотезы, предположения о располагаемой информации, характера поведения могут принимать наиболее рациональные с их позиций модели поведения, что и будет решением игры.

Некоторой новацией в данной статье является поиск эффективной стратегии экономического, политического поведения России при условии, что стратегия поведения конкурента ориентирована не на поиск возможностей роста национального благосостояния, а нанесения ущерба другому участнику, при согласии нести собственные издержки, которые лежат тем не менее в границах допустимого с позиций его национальных интересов. При этом предполагается в качестве исходного, что участники выражают свои интересы достаточно точно для противника, даже при условии сознательной дезинформации, проведения политики информационного введения в заблуждение. И если ранее рассматриваемые стратегии предполагали получение определенного выигрыша в зависимости от применяемых ими доминирующих стратегий, то в нашем случае выигрыш будет рассматриваться как некоторая мера для участника игры, лежащая в сознательном причинении себе вреда ради вреда большего, который может быть нанесен конкуренту.

Поэтому, если в играх возможен исход с положительным исходом, когда все участники могут увеличивать своё благосостояние, либо игра с нулевым исходом, когда в итоговом результате не прибавляется, то в данном случае мы получаем некоторый заведомо отрицательный результат. Выигрыш же сводится к результату модели поведения, стратегии, которая приводит к

большому ущербу для противника. Например, в результате вооруженных конфликтов каждая сторона терпит ущерб, как правило. Однако победителем признается тот, кто нанес больший ущерб, который стал несоизмерим с поддержанием нормальных или прежних условий своего существования. Таким образом уже изначально можно предвидеть результат. Эта игра с ненулевой суммой, однако эта сумма не положительная, т.е. выигрыш, а отрицательная. То, что игроки поставили в игре, уже не может быть получено другими игроками. Это исключительно отрицательные эффекты. Последующие возможно положительные эффекты также чаще всего несоизмеримы с понесенными издержками в результате реализации выбранной участником стратегии. Можно предположить, что в данной текущей ситуации введение экономических, политических санкций и ограничений США и страны ЕС выигрыш видят и оценивают исходя из своей принципиальной неспособности принять как данность изменившуюся действительность. Стереотипы мышления, стереотипы поведения прошлого стали камнем преткновения для государственной бюрократии США и Европейского Союза. Однако эта политика чревата своими непрогнозируемыми тяжелыми последствиями как для самим США и их союзников, так и для остального мира. Более того, сам выигрыш в будущем, в долгосрочной перспективе практически не просчитывается количественно. Последствия реализации такой геополитики не могут по определению рассчитаны, прогнозируемы в силу их полной неопределенности. Более того, эти последствия не могут лежать исключительно в одной области, например, в области экономики. Наконец, этот отдаленный выигрыш при одновременно ближайших потерях в силу наложения санкций и ограничений будет зависеть от стратегий, которые реализуют основные игроки. Суть в том, что отдаленный выигрыш каждого игрока не будет в полной мере определяться от примененной им стратегии, а будет определяться также результатами реализации стратегий другими игроками. Следует признать и понять общеизвестное из теории игр, что в конечном счете ни один игрок не может

полностью контролировать как свой проигрыш, так и свой выигрыш. Следует преодолеть некоторое упрощенное понимание возможностей реализации своей стратегии на едином геополитическом поле. Результат игры не зависит от одного игрока. В противном случае анализ современной геополитической ситуации не мог бы моделироваться на основе теории игр. В этом случае было бы достаточно инструментария и возможностей той или иной формы факторного анализа.

Если принять ранее выраженную позицию о том, что в данных условиях на коротком отрезке времени все участники будут нести только проигрыши, которые можно принять, обозначить как выигрыши с обратным знаком, то в данных исходах речь можно вести только о проигрышах каждого и всего геоэкономического и геополитического сообщества. Попытка же формализовать этот процесс путем использования математического аппарата теории вероятности уже изначально обречено на неудачу. Дело в том, что априорная вероятность уже принципиально неспособна привести к определенному расчетами количественному результату. Ни одна стратегия игры, будучи максимально приближенной к современной геоэкономической и геополитической реальности принципиально неспособна предусмотреть все возможные стратегии, которые могут быть признаны рациональными при меняющейся геоэкономической, геополитической, военной, экологической ситуации. Любая стратегия каждого игрока должна указывать последнему на очередной ход, процесс, который он должен реализовать при любом раскладе геоэкономической ситуации.

Любое применение экономических, политических санкций к России будет порождать реализацию часто непредвиденных ходов для самого инициатора этих санкций. А так как число активных игроков будет уже не менее трех (США, возможная коалиция стран Европейского Союза и США, и Россия, если же коалиция исключается, то остаётся три основных игрока – США, ЕС, Россия), то даже теоретическое рассмотрение исходов, т.е. решений, игры будет наталкиваться на трудности. При этом следует понимать,

что имеющийся факт коалиционной игры, между тем предполагает наличие острых противоречий в рамках коалиции стран Европейского Союза и США, а также внутри самого Европейского Союза. Это предполагает, что количество стратегий у игроков может быть несколько, что превращает эту игру в бесконечную и антагонистическую⁵, а, следовательно, итог может быть определен как постоянные отрицательные эффекты, лишаящие игроков их национального богатства с неопределёнными как по времени, так и по тяжести последствиями.

В этих новых геополитических условиях, для которых неопределенность становится фактором, который уже невозможно игнорировать, институт таможенного дела должен выработать новое качество – максимально быстро реагировать на потребности изменения ситуации на геополитическом пространстве. Это новое качество можно определить как ликвидность таможенной политики, ликвидность применяемых таможенных инструментов и таможенных механизмов. От декларирования новаций в сфере внешнеэкономической деятельности, до реального воплощения политических, экономических детерминантов требуется минимально короткое время. Таможенная система России должна быть в состоянии быстрого и адекватного реагирования на требования изменений в защите национальных интересов России. Ликвидность таможенной политики предполагает её способность не на только быстрые изменения в проведении процедур таможенного контроля в результате иной динамики со стороны количества, а быть способной реагировать на качественные изменения на новации во внешнеэкономической политики России. Если способность реагировать на количественные изменения можно охарактеризовать как гибкость таможенной политики, то ликвидность таможенной политики включает в себя оба момента – качество и количество изменений. В конечном счете достаточная ликвидность таможенной политики проявится в том, что она станет формой реализации

⁵ Крушевский А.В. Теория игр. Киев. Издательское объединение «Вища школа», 1977. с. 11.

концепции принуждения к риску, подобно тому, как военная политика реализует эту функцию повсеместно и постоянно, поддерживая тем самым удовлетворяющий Россию уровень военной безопасности. Потери для бюджета следует признавать при этом такими же необходимыми, как «потери» расходных статей бюджета, призванный финансировать оборонную отрасль. Попытки политического руководства видеть в реализации таможенной политики исключительно только выгоды, сводящиеся исключительно к наполнению доходных частей, т.е. фискальную составляющую, следует рассматривать как не отвечающую духу времени и опасности безопасного существования Российского государства.

В результате речь идет о способности института таможенного дела изменяться качественно, а не видеть новации в таможенном деле, если последний наращивает или наоборот, уменьшает численность своих подразделений, число структурных подразделений и прочие. Российская таможенная система, рассматриваемая как организм единого целого – государства, -- должна развиваться как орган организма, а не только изменяться количественно. Только в этом случае Россия может быть адекватно представлена как адекватный игрок на противоречим поле геополитики, максимально обеспечивая защиту национальных интересов.

Сложившиеся в настоящее время теория и практика таможенного дела следует рассматривать как институт со своими устойчивыми элементами, или фракталами. Они выполняют как положительную, так и отрицательную роль. Но в любом случае эта система создана человеком, она может быть познана и одновременно регулируемая. Наличие фракталов не следует преувеличивать в практике таможенного дела. Их наличие порождает устойчивость, что проявляется в следовании правилам. Однако следует различать правила разумного подхода и разумный подход к правилам. В условиях турбулентности политико-экономического пространства необходим более гибкий подход к самим правилам, который не исключает саму природу и необходимость правил разумного подхода к организации самого института

таможенного дела. Особенно недопустима практика саморегулирования института таможенного дела на принципах *per se*. Подобная концепция позволяет предельно упрощать картину функциональных зависимостей между переменными, что скорее свидетельствует о потере адекватности модели реальной картине современного мира. В реальной экономике появляются новые факторы, формируются новые связи. Это объясняется и тем, что институт экономического партнерства следует дополнять институтом экономического, политического противостояния, когда действуют не только отдельные люди, преследующие свои собственные интересы, но и реализуют свою политику государства, которые ставят своей целью переиграть конкурента часто даже не на конкурентном рынке экономической политики. В экономической системе асимметричность информации создается не только в сфере экономической действительности, но и в сфере политики, в том числе и таможенной политики. В этих системах реализуется механизм принудительной реализации рисков. Эту новую систему следует понять и признать, как некоторый фрактал, который не может остаться без внимания со стороны политиков. Как удачно выразился по аналогичному теоретическому положению автор, саморегулирование рыночной экономики носит ограниченный характер, а в период кризисов невидимая рука рынка неизменно оказывается в кармане государства.⁶

Новая формирующаяся социально-экономическая, политическая среда, с её нарастающей турбулентностью потоков финансовых, информационных, мировых потоков сырьевых товаров, капиталов требует переосмысления эффективности следованиям политики правил разумного подхода в формировании таможенной политики. Представляется на основе вышеизложенного, вполне разумным пересмотреть сам институт

⁶ Бурлачков В.К. Макроэкономика, монетарная политика, глобальный кризис: Анализ современной теории и проблемы построения новой модели экономического развития. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. с.230.

современного таможенного дела, дополнив его формирование концепцией разумного подхода к правилам реализации таможенной политики.

Список литературы

1. Кардаш В.А. Конфликты и компромиссы в рыночной экономике / В.А. Кардаш. – М.: Наука, 2006. с. 14.
2. Крушевский А.В. Теория игр. Киев. Издательское объединение «Вища школа», 1977.
3. Останин, В.А. Философия присвоения: монография / В.А. Останин; науч. ред. Ю.В. Рожков; Российская таможенная академия, Владивостокский филиал. – Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2011.
4. Бурлачков В.К. Макроэкономика, монетарная политика, глобальный кризис: Анализ современной теории и проблемы построения новой модели экономического развития. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. -- 240с.